

Россинский Сергей Борисович,
Московский государственный юридический
университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент
(Москва, Россия)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РФ ВСЕ БОЛЕЕ НАПОМИНАЕТ «ПАМЯТКУ» ДЛЯ БЕЗГРАМОТНЫХ ПРАВОПРИМЕНИТЕ- ЛЕЙ: В ЧЕМ ПРИЧИНЫ?

THE CRIMINAL PROCEDURAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION EVERYTHING MORE REMINDS A "REMINDER" FOR ILLITERATE LAW ENFORCEMENT: WHAT ARE THE REA- SONS?

Аннотация. В настоящей статье исследуются законо-творческие тенденции, направленные на усиление формализации уголовно-процессуального права и выраженные в постепенном введении в УПК РФ все большего и большего количества сугубо технических и технологических правил поведения органов предварительного следствия, прокуратуры суда, других участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма; уголовно-процессуальное законодательство; уголовно-процессуальное право; уголовно-процессуальное регулирование; уголовно-процессуальный кодекс.

Abstract. This article examines legislative trends aimed at strengthening the formalization of criminal procedural law and expressed in the gradual introduction of more and more purely technical and technological rules for the conduct of preliminary investigation bodies, the prosecutor's office of the court, and other participants in criminal proceedings in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: criminal procedure form; criminal procedure legislation; criminal procedural law; criminal procedure regulation; code of Criminal Procedure.

Анализ различных положений и действующего Уголовно-процессуального РФ, а также вносимых в него постоянных изменений и дополнений невольно заставляет обратить внимание на весьма интересные правотворческие тенденции, которые направлены на гиперформализацию уголовно-процессуального права, выражаются в стремлении «узаконить» (в узком смысле) гораздо более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства правил поведения, чем это требует здравый смысл, то есть постепенно превращают УПК РФ в некий административный регламент [2, с. 44], в пошаговую инструкцию [4, с. 101-111], в «памятку» для неграмотных правоприменителей [5, с. 217].

Так, уголовно-процессуальный кодекс РФ явно перегружен положениями сугубо технического и технологического характера, не имеющими никакого «высокого» предназначения и не обусловленными никакими правовыми гарантиями эффективности или доброкачества получаемых результатов. Особое место среди них занимают требования по оформлению процессуальных документов, в частности правоприменительных

актов органов предварительного расследования и суда, предусматривающие их необходимые реквизиты и порядок составления. Например, ч. 1 ст. 171 УПК РФ прямо предписывает следователю указывать в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого дату, время и место его вынесения, сведения о вынесшем его должностном лице, фамилию, имя, отчество человека, привлекаемого к уголовной ответственности, описание и точную квалификацию инкриминируемого ему преступного деяния и т.д. Аналогичные или схожие требования вытекают из ч. 2 ст. 146, ч. 3 ст. 166, ч. 2 ст. 213 УПК РФ и многих других положений закона. Представляется, что если законодатель и далее будет следовать подобным тенденциям, то в скором времени в сферу уголовно-процессуального регулирования вполне могут попасть правила, устанавливающие марку принтера, используемого для печати следственных либо судебных актов, цвет чернил или степень разборчивости почерка для заполнения их рукописных реквизитов и т.д. В этой связи остается лишь порадоваться, что в 2007 г. из содержания закона, по крайней мере, были исключены ранее предусмотренные гл. 57 УПК РФ сами бланки процессуальных документов, то есть исправлена ошибка, в свое время вообще не выдерживающая никакой критики.

Что же явилось причиной появления указанных тенденций? Думается, что ответить на этот вопрос не так уж и сложно. Как таковые они возникли задолго до начала работы над проектом действующего УПК РФ, а именно после Октябрьской революции, и во многом обязаны своим зарождением двум основным факторам, повлиявшим на формирование советской уголовной юстиции, в первую очередь, органов предварительного расследования.

Первый фактор был связан с перераспределением юрисдикционных полномочий между государственными органами, в частности с изъятием функции предварительного следствия из судебного ведения и ее возложением на «силовые» ведомства. Как известно дореволюционные механизмы предварительного следствия были сконструированы на основании «классической» французской концепции досудебного производства и заключались в деятельности судебных следователей при содействии полиции под наблюдением прокуроров и их товарищей. Однако известные политические катаклизмы 1917 г., предопределили глобальную реформу всей системы государственного управления, что неизбежно затронуло и организацию уголовной юстиции, и порядок реализации соответствующих юрисдикционных полномочий. Детерминированная ленинским лозунгом «Вся власть советам» советская концепция государственного управления, исключала существование автономной и независимости судебной системы, поэтому народные судьи и народные следователи («правопреемники» дореволюционных судей и судебных следователей) были закономерно переведены в подчинение Наркомюста РСФСР (позднее – СССР).

Благодаря данным реформам советские правоприменители, обладающие юрисдикционной правосубъектностью, стали рядовыми чиновниками, частицами системы исполнительно-распорядительных органов государства. При таких обстоятельствах все дальнейшие, в том числе кардинальные, реформы уголовной

юстиции, в первую очередь органов предварительного следствия, являлись если и не совсем разумными, то, по крайней мере, вполне объяснимыми и понятными. Достаточно вспомнить хотя бы известное и в определённой степени судьбоносное постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 3 сентября 1928 года, предопределившее переход следователей из судебной системы в прокуратуру. С одной стороны, данный шаг обусловил окончательный отказ от каких-либо попыток реставрации дореволюционной модели предварительного следствия, однако с другой — ввиду нахождения всей уголовной юстиции в ведении единого Наркомюста РСФСР подобное решение фактически имело не более чем внутриведомственный, организационно-штатный характер, то есть как бы предписывало перевод сотрудников в иной «главк». Аналогичным образом объясняется и создание в 1938 г. полноценного следственного аппарата НКВД СССР, а в 1963 г. — следственных отделов и управлений органов внутренних дел: если уж государство создало прецедент и пошло по пути возложения юрисдикционных полномочий на один внесудебный орган, то что мешало предоставить их второму, третьему и т.д.

Второй фактор выражался в вызванном известными причинами постреволюционном кадровом «голоде», отсутствии на службе у советской власти достаточного количества профессиональных и опытных юристов, способных «переварить» весь объем уголовных дел, особенно в условиях резкого всплеска преступности. В этой связи государство пошло на весьма рискованный, но в то же время вынужденный шаг — стало комплектовать органы уголовной юстиции за счет идеологически преданных советской власти, но не имеющих надлежащих знаний, умений и навыков категорий лиц: рабочих, солдат, матросов и т.п. Кстати, что по той же причине началась постепенная процессуализация работы органов дознания, выраженная в сближении их функций с функциями следователей, в их наделении не сугубо «полицейскими», а юрисдикционными полномочиями, в том числе предполагающими возможность производства следственных действий и собирания полноценных доказательств, равных по юридической силе, доказательствам, полученным следователем или в ходе судебного заседания. В силу малочисленности следственного аппарата — писал в середине 1920-х гг. известный ученый В.И. Громов — прохождение уголовных дел через органы дознания представляется вполне обоснованным и целесообразным [3, с. 13].

Думается, что именно эти факторы и обусловили постепенную процессуализацию множества технических и технологических правил работы уголовной юстиции, обеспечивающих эффективность и продуктивность уголовного судопроизводства и т.д. Ведь, с одной стороны, столь жесткая формализация деятельности органов дознания и предварительного следствия, обременение осуществляемых ими познавательных и правообеспечительных процедур множеством дополнительных юридических гарантий позволила в определённой степени усилить их процессуальную надёжность, «компенсировать» внесудебный (исполнительно-распорядительный) характер соответствующих результатов, в частности обеспечить более высокую доброкачественность доказательств, собираемых в ходе досудебного производства, но при этом имеющих зна-

чально равную юридическую силу с доказательствами, полученными самим судом. С другой стороны, возведенные на законодательный пьедестал буквально пошаговые инструкции, во многом превратившие уголовно-процессуальный закон в административный регламент, в «памятку» позволили добиться еще одного эффекта. В определённой степени они повлияли на обеспечение законности действий и решений лиц, наделенных государственно-властными полномочиями, но при этом не обладающих надлежащим уровнем профессионализма, правосознания, правопонимания, правовой культуры и другими качествами, необходимыми для осуществления правоприменительной и правоохранительной деятельности, то есть тех самых бывших рабочих, солдат, матросов и др., пришедших на службу в органы уголовной юстиции после установления советской власти.

Однако представляется не совсем понятным почему, предпринятые раннесоветским законодателем шаги, направленные на усиление формализации уголовного судопроизводства, не были прекращены, а превратились в устойчивые тенденции, которые резко усилились именно в последние годы, оказав и продолжая оказывать существенное влияние на действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Ведь ни УПК РСФСР 1923 г., ни более поздний УПК РСФСР 1960 г., уже будучи подвержены указанным тенденциям, не содержали стольких технических и технологических правил, сколькими характеризуются нынешнее законодательство. В частности, в УПК РФ была резко усилена формализация не только досудебного, но и судебного производства; появились более содержательные по сравнению с прежними кодексами «памятки» по проведению судебных действий и оформлению судебных решений (например, ст. 231, 259, 304-309 и т.д.).

В этой связи конечно можно высказать предположение, что, работая над проектом УПК РФ, его авторы в чем-то уподоблялись раннесоветскому законодателю, а именно в определённой степени исходили из имевшего место в то время кризиса судебной и правоохранительной систем, приведшего к резкому кадровому «голоду». Ведь ввиду известных причин в 1990-е гг. был утрачен престиж соответствующих юридических профессий, осложнены условия работы и сокращено финансирование следователей, прокуроров, судей и т.д., что закономерно привело к оттоку профессиональных и опытных кадров и не могло не повлиять на проводимую государством уголовно-процессуальную политику.

Однако данный кризис все-таки не возымел столь разрушительных последствий, кои были присущи ситуации, сложившейся в начале 1920-х гг. Тем более, что в последнее время государству в целом удалось справиться с кадровым «голодом» и постепенно начать преодолевать последствия кризиса. Тогда как количество вводимых в УПК РФ технических и технологических правил, наоборот, постоянно увеличивается. Достаточно хотя бы вспомнить введенные в 2009 г. правила составления досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.3 УПК РФ) или введенные в 2018 г. особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ).

Поэтому более состоятельной представляется несколько иная гипотеза. По всей вероятности, засилье подобных технических и технологических правил мож-

но объяснить вызванным известными причинами деструктивным законотворческим климатом конца 1990-х гг. и стремлением российской власти в кратчайшие сроки обновить большое количество законов в условиях сильного давления различных политических сил, в том числе зарубежных, сил. В этой связи УПК РФ разрабатывался и принимался весьма поспешно, в условиях ожесточенных дискуссий [2, с. 46], без надлежащей доктринальной проработки и четкого осознания перспектив дальнейшего развития уголовного судопроизводства.

Вне всяких сомнений, входящие в группу разработчиков Кодекса крупные российские ученые-процессуалисты конечно понимали (не могли не понимать!) разницы между «высоким» предназначением уголовно-процессуальной формы и техническими и технологическими правилами. Однако, будучи чересчур сильно увлечены модными на тот момент трендами развития российского уголовного процесса (правами обвиняемого, презумпцией невиновности, состязательностью, судом присяжных и т.п.), они, видимо, просто не уделяли более «приземленным» вопросам должное внимание, оставляя эту «черную» работу своим коллегам — как правило, представителям практических органов (суда, прокуратуры, «силовых» ведомств), обладающим богатым практическим опытом, хорошо разбирающимся в тонкостях процессуальной «бюрократии», делопроизводства и документооборота, но при этом, к сожалению, не имеющим надлежащих теоретических знаний либо (что еще более вероятно) считающим их излишними.

При подобных обстоятельствах превращение УПК РФ из Закона в «высоком» понимании этого термина в некий административный регламент, в пошаговую инструкцию, в «памятку» для неграмотных правоприменителей уже не выглядит странным, а представляется вполне закономерным. Более того, для такого подхода вполне приемлема и предпринятая в 2001 г., но, к счастью, оказавшаяся неудачной, попытка «узаконивания» бланков процессуальных документов, позднее исключённых из текста УПК РФ.

Однако, наиболее негативные последствия подобная правотворческая политика вызывает в части постоянно вносимых в текст уголовно-процессуального закона все новых и новых изменений и дополнений, вообще не предполагающих единой концепции и нередко являющихся следствием лоббирования своих интересов определёнными государственными органами и (или) кипучей энергии отдельных представителей власти, особо не утруждающих себя погружением в тонкости уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики.

В завершении хотелось бы выразить резко негативное отношение к рассмотренным тенденциям и посоветовать законодателю как можно скорее пересмотреть данный подход к уголовно-процессуальному правотворчеству. Ведь если дознаватель, следователь, прокурор или судья, не обладает достаточным уровнем профессионализма, правосознания, правопонимания, правовой культуры, не умеет правильно оформлять уголовно-процессуальные документы, то он вообще вряд ли достоин замещать должность в органах государственной власти, предполагающую наделение его юрисдикционными полномочиями. Вместо превраще-

ния УПК РФ в пошаговую инструкцию, в «памятку» для неграмотных правоприменителей и разъяснения им на законодательном уровне элементарных азов правовой культуры или восполнения недостатков их юридического образования государству следует менять кадровую политику в отношении своих служащих, назначая на соответствующие должности подлинно профессиональных юристов.

Уголовно-процессуальная форма должна оставаться юридической формой, то есть иметь «высокое» переназначение, обусловленное соответствующими правовыми (а не техническими или технологическими) гарантиями доброкачественности. Поэтому она и требует не просто нормативной, а именно законодательной регламентации, предполагающей особый, усложнённый порядок правотворчества. В тоже время сугубо прикладные аспекты проведения процессуальных действий и оформления процессуальных документов в подобной формализации не нуждаются. При необходимости соответствующие правила и рекомендации могут быть закреплены в методических документах и публикациях, направленных на оптимизацию и обеспечение единообразия правоприменительной практики.

Литература.

1. Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство: законодательные мифы и реалии 15-летней практики применения УПК РФ // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): сб. статей / под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. – СПб.: СПбГУ, 2018.
2. Григорьев В.Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. – 2018. – Т. 9. – Вып. 1.
3. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей / под ред. Н.В. Крыленко. – 2-е изд. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926.
4. Победкин А.В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма жилого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – № 3.
5. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. – М.: Норма, 2021.

Сейданов Айбек Багдадович

*Казахский гуманитарно-юридический
инновационный университет г. Семей,
магистр юридических наук
(Семей, Республика Казахстан)*

Темиргазин Роман Хурматуллаевич

*Казахский гуманитарно-юридический
инновационный университет г. Семей,
магистр юридических наук
(Семей, Республика Казахстан)*

Утебаев Ержан Кенесович

*Казахский гуманитарно-юридический
инновационный университет г. Семей,
кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ
(Семей, Республика Казахстан)*

АНАЛИЗ ЭЛЕМЕНТОВ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ANALYSIS OF THE ELEMENTS OF THE METHODOLOGY OF INVESTIGATING CRIMES UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

УДК 343.9 (574):33